

Российский
Музей.
№ 7.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Городокъ.

(Къ ***)

Прости мнѣ , милой другъ ,
Двухлѣтнѣе молчанье ;
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ .
На шройкѣ принесенной
Изъ родины смиренной
Въ великой градѣ Петра ,
Опѣ упра до упра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ ,
Зѣвая , веселился
Въ шеапрѣ , на пирахъ ;
Не вѣдалъ я покоя ,
Увы ! ни на часокъ ,

• • • • •
• • • • •
• • • • •
Но слава , слава Богу !
На ровную дорогу

Я выѣхалъ щеперь ;
 Ужъ выподкалъ за дверь
 Забошы и печали ,
 Которыя играли ,
 Стыжусь , споль долго мной ;
 И въ шишинѣ святой
 Философомъ лѣнивымъ ,
 Опъ шума вдалекѣ ,
 Живу я въ городкѣ
 Безвѣсношью щасливомъ .
 Я нанялъ свѣплой домъ ;
 Съ диваномъ , съ камелькомъ ;
 Три комнашки проспя —
 Въ нихъ злаша , бронзы нѣтъ ,
 И шкани выписныя
 Не кроюшъ ихъ паркешъ .
 Окошки въ садѣ веселый ,
 Гдѣ липы преспарѣлы
 Съ черёмухой цвѣвшушъ ;
 Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
 Берёзокъ своды темны
 Прохладну сѣнь даюшъ ;
 Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
 Сплелся съ фіалкой нѣжной ,
 И быстрый ручеёкъ ,
 Въ спруяхъ неся цвѣтокъ ,
 Невидимый для взора ,
 Лепечешъ у забора .
 Здѣсь добрый твой поэтъ
 Живешъ благополучно ;
 Не ходишъ въ модный свѣтъ ;
 На улицѣ карешъ
 Не слышишь спукъ докучной ;
 Здѣсь грома вовсе нѣтъ ;
 Лишь изрѣдка пѣлега
 Скрыпипъ о мостовой ,
 Иль пушникъ , въ домикѣ мой

Пришедъ искать ночлега ,
Дорожною клюкой
Въ калишку поспучится . . .

Блаженъ , кто веселился
Въ покоѣ , безъ заботъ ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькой Эропѣ ;
Блаженъ , кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ ,
Не думаетъ о горѣ ,
Гуляешь въ колпакѣ ,
Пьешь , ёсти когда захочешь ,
О гостѣ не хлопочешь !
Никто , никто ему
Лѣнишься одному
Въ поспелѣ не мѣшаешь ;
Захочешь — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываешь ;
Захочешь — сладко спишь ,
На рифмое склоняясь
И тихо забываешь .
Такъ я , мой милой другъ ,
Теперь разположился ;
Съ полной безстыдныхъ служь
На вѣки разпросился ;
Укрывшись въ кабинеши ,
Одинъ я не скучаю ,
И часто цѣлой свѣтль
Съ воспоргомъ забываю .
Друзья мнѣ — мергвецы ,
Парнасскіе жрецы ,
Надѣялкою проспою
Подѣ шонкою шафпою
Со мной они живушъ ,
Пѣвцы краснорѣчивы ,
Прозаики шутихи ,

Въ порядкѣ спали шупль.
 Сынъ Мома и Минервы,
 Фернейскій злый крикунъ,
 Поэтъ въ поэзахъ первый,
 Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
 Онъ ѡебомъ былъ воспитанъ,
 Издѣлия спалъ піишъ;
 Всѣхъ больше перечишанъ,
 Всѣхъ менѣе поминъ;
 Соперникъ Эвропиды,
 Эраты нѣжной другъ,
 Арьоспиза, Тасса внукъ —
 Скажуль? . . . отецъ Кандида —
 Онъ все; вездѣ великъ
 Единственной спарикъ!
 На полкѣ за Вольтеромъ
 Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ
 Всѣ вмѣстѣ предстояшъ.
 Въ часъ упреній досуга
 Я часпо другъ опъ друга
 Люблю ихъ опрыгивать.
 Пишомцы юныхъ Грацій —
 Съ Державинымъ попомъ
 Чувствительный Горацій
 Является вдвоемъ,
 И шы, пѣвецъ любезной,
 Поэзіей прелестной
 Сердца привлекшій въ плѣнъ,
 Ты здѣсь, лѣнивый безпечный,
 Мудрецъ проспособочный,
 Банюша Лафонщенъ!
 Ты здѣсь — и Дмишревъ нѣжный,
 Твой вымыселъ любя,
 Нашелъ приютъ надежный
 Съ Крыловымъ близъ шебя. —
 Но вотъ наперсникъ милой
 Психеи злашокрылой!

О добрый Лафоншень,
 Съ тобой онъ смѣль сразиться . . .
 Коль можешь ты дивишься,
 Дивись: ты побѣждень!
 Воспитаны амуромъ
 Вержье, Парни съ Грекуромъ
 Укрылись въ уголокъ,
 (Не разъ они выходяшъ
 И сонъ опь глазъ опводяшъ
 Подъ зимній вечерокъ).
 Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
 Руссо и Карамзинъ,
 Съ Мольеромъ-исполиномъ
 Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
 За ними, хмурясь важно,
 Ихъ грозный Аристархъ
 Является опважно
 Въ шеспинадцати томахъ.
 Хоть спрашно спихошкачу
 Лагарпа видѣть вкусъ,
 Но часпо, признаюсь,
 Надъ нимъ я времяя прачу.

Кладбище обрѣли
 На самой нижней полки
 Всѣ школьнически шолки,
 Лежащіе въ пыли,
 Бизгова сочиненья,
 Глупона псалмопѣнья,
 Извѣстныя творенья,
 Увы! однимъ мышамъ.
 Миръ вѣчной и забвенье
 И прозѣ и спихамъ!
 Но ими огражденну
 (Ты долженъ это знать)
 Я спряталъ пошаенну
 Сафьянную шепшрадъ.

Сей свитокъ драгоцѣнныи,
 Вѣками сбереженный ,
 Опъ члена Рускихъ силь ,
 Двоюроднаго браша ,
 Драгунскаго солдаша
 Я даромъ получилъ.
 Ты кажеши въ сомнѣни . . . .
 Не трудно отгадашь ;
 Такъ , это сочинены ,
 Презрѣвшія печать .
 Хвала вами , чада славы ,
 Враги Парнасскихъ узъ !
 О Князь , наперникъ Музъ ,
 Люблю твои забавы ;
 Люблю твой колкій спихъ
 Въ посланіяхъ твоихъ ;
 Въ сатирѣ — знанье свѣта
 И слога чистопу ,
 И въ рѣзвоспѣ куплета
 Игризу осиропу —
 И ты , ...
 . . . .
 . . . .
 . . . .
 Какъ въ юношески лѣпы ,
 Въ волнахъ шуманной Лепы
 Ихъ гуршомъ попопилъ ; —
 И ты , замысловатый
 Буйноеа пѣвецъ ,
 Въ картинахъ толь богатый
 И вкуса образецъ ;
 И ты , шушникъ безцѣнныи ,
 Который Мелькомены
 Котурны и кинжалъ
 Игризовъ Талыи далъ !
 Чья кисть мнѣ нарисуетъ ,
 Чья кисть скомпанируетъ

Такой оригиналъ!
 Тушъ вижу я съ Чернавкой
 Подщипа слезы льетъ;
 Здѣсь Князь дрожитъ подъ лавкой,
 Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
 Въ трагическомъ смятеніи
 Плѣненные цари,
 Забывъ войну, сраженыи,
 Играютъ въ кубари. . . .
 Но назову-ль дѣшину,
 Что доброю порой
 Темпради половину
 Наполнилъ лишь собой!
 О шы, высотъ Парнасса
 Бояринъ небольшой,
 Но иныхъ Пегаса
 Наѣздникъ удалой!
 Намаранныя оды
 Убранство чердаковъ,
 Гласяпъ изъ роды въ роды:
 Великъ, великъ — Свисшовъ!
 Твой дарь цѣнить умѣю,
 Хочь право, незнаніокъ;
 Но здѣсь шебѣ не смѣю
 Хвалы сплешашь вѣнокъ:
 Свисшовскимъ должно слогомъ
 Свисшова воспѣвать;
 Но, убирайся съ Богомъ,
 Какъ шы, въ шемъ клястясь радъ,
 Не спану я писать. —

О вы, въ моей пустынѣ
 Любимые творцы!
 Займите же опининѣ
 Безпечности часы.
 Мой другъ! весь день я съ ними,
 То въ думу углубленъ,

То мыслями своими
 Еъ Елизій пренесенъ.
 Когда же на закатѣ
 Послѣдній лучъ зари
 Попонеинъ въ яркомъ златѣ,
 И свѣтлые цари
 Смеркающейся ночи
 Плынуши по небесамъ ,
 И тихо дремлюши рощи
 И щорохъ по лѣсамъ ;
 Мой гений невидимкой
 Лепшаешь надо мной ;
 И я въ шиши ночной
 Сливаю голосъ свой
 Съ паспушьюю волынкой.
 Ахъ ! щасливъ , щасливъ тошъ ,
 Кто лиру въ даръ отъ Феба
 Во цвѣтѣ дней возьмешъ !
 Какъ смѣлый жипель неба ,
 Онь къ солнцу воспаришь ,
 Превыше смертныхъ спашешь ,
 И слава громко грянешъ :
 „Безсмертие вѣкъ піить !“

Но ею мнѣль гордишься ,
 Но мнѣль безсмертиемъ лѣстишься ? . . .
 До слезъ я споришь радъ ,
 Не бьюсь лишь объ закладъ ,
 Какъ знать и мнѣ , бышь можешь ,
 Печашь свою наложишъ
 Небесный Аполлонъ ;
 Сіяя горнимъ свѣтомъ ,
 Безпрепятнымъ полетомъ
 Взлечу на Геликонъ .
 Не весь я преданъ плѣнью ;
 Съ моей , бышь можешь , шѣнью
 Полунощной порой

**Сынъ Феба молодой ,
Мой правнукъ просвѣщенный ,
Бесѣдовашъ придешъ
И мною вдохновенный
На лирѣ воздохнепъ ,**

Покамѣстъ , другъ безцѣнныи ,
Каминомъ освѣщенный ,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и съ перомъ ,
Не слава предо мною ,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ .
Мой другъ , я щаспливъ ею ;
Почшожъ ея сеспрой ,
Любовію младой
Напрасно пламеню ?
Иль юноспи златой
Вонще даны мнѣ розы ,
И липъ на вѣки слезы
Въ юдолѣ , гдѣ раззвѣлъ
Мой гореспиной удѣлъ ? . . .
Пѣвца сопушникъ милой ,
Мечтанье легкокрыло !
О будь же ты со мной ,
Дай руку сладострастную ,
И съ чашей круговой
Веди меня ко щаспью
Забвенія широпой ;
И въ часъ безмолвной ночи ,
Когда лѣнивый макъ
Покроепъ томны очи ,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ шѣсной ,
Тихонъко поспущись ,
И въ шишинѣ прелеспиной
Съ любимцемъ обнимись !

Мечта ! въ волшебной сѣни
 Миѣ милую яви ,
 Мой свѣтъ , мой добрый геній ,
 Предмѣтъ моей любви ,
 И блескъ очей небесный ,
 Ліющіхъ огнь въ сердца ,
 И Грацій спанъ прелестный ,
 И снѣгъ ея лица ;
 Представь , что на колѣняхъ
 Покоясь у меня ,
 Въ порывистыхъ томленьяхъ
 Склонилася она
 Ко груди грудью спраспиной ,
 Успами на успахъ ,
 Горитъ лице прекрасной
 И слёзы на глазахъ ! . . . —
 Почто спрѣлой незримой
 Уже лепиши ты вдаль ?
 Обманетъ — и пропалъ
 Бѣглецъ невозвратимой !
 Не слышитъ плачъ и спонъ ,
 И гаѣ крылатый сонъ ?
 Изчезнетъ обольститель ,
 И въ сердцѣ грусть — мучитель .

Но все ли , милой другъ ,
 Быть щастья въ упоеніи ?
 И въ грусти томный духъ
 Находитъ наслажденье :
 Люблю я въ лѣтній день
 Бродить одинъ съ поскою ,
 Встрѣчать вечернюю тѣнь
 Надъ тихою рѣкою ,
 И съ сладоспиной слезою
 Въ даль сумрачну смотрѣть ;
 Люблю съ моимъ Марономъ
 Подъ яснымъ небосклономъ .

Близъ озера сидѣть,
 Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
 Оставя злакъ прибрежной,
 Любви и нѣги полнъ,
 Съ подругою своею,
 Закинувъ гордо шею,
 Плывешъ во злапѣ волнъ.
 Или, для развлеченья,
 Оставя книгъ ученье,
 Въ досужной мнѣ часокъ
 У добренькой спарушки
 Душистый пью чаёкъ;
 Не подхожу я къ ручкѣ,
 Не шаркаю предъ неи;
 Она не присѣдаешьъ,
 Но шопчасъ и вѣспей
 Мнѣ пропасшъ наболшаешьъ.
 Газеты собираешьъ
 Со всѣхъ она споронъ,
 Все свѣдаешьъ, узнаешьъ:
 Кто умеръ, кто влюблёнъ,
 Кого жена по модѣ
 Рогами убрала,
 Въ которомъ огородѣ
 Капуста цвѣтъ дала,
 Осма свою хозяйку
 Не за чпо наказалъ,
 Антошка балалайку
 Играя разломалъ, —
 Спарушка все расскажешьъ,
 Межъ шѣмъ какъ юбку вяжешьъ,
 Болшаешь все свое;
 А я сижу смиренно
 Въ мечтаньяхъ углубленный,
 Не слушая ее,
 Ни риѳмы Удалова.
 Такъ нѣкогда Сестовъ

Въ сполицъ я внималъ ,
 Когда свои пворенья
 Онъ съ жаромъ мнѣ чипалъ .
 Ахъ ! видно Богъ пышалъ
 Тогда мое терпѣнье !

Иль добрый мой сосѣдъ ,
 Семидесяти лѣтъ ,
 Уволенный опь службы
 Маюромъ отставнымъ ,
 Зовенъ меня изъ дружбы
 Хлѣбъ - соль откушать съ нимъ .
 Вечернею пирушкой
 Спарикъ развеселясь ,
 За дѣдовскою кружкой
 Въ прошедшемъ углубясь ,
 Съ Очаковской медалью
 На раненой груди ,
 Воспомнишь шу башалью ,
 Гдѣ ропы впереди
 Лепѣль на вспрѣчу славы ,
 Но вспрѣшился съ ядромъ ,
 И паль на долъ кровавый
 Съ булапнымъ палашемъ .
 Всегда я радъ душою
 Съ нимъ время провождашъ ,
 Но , Боже , виновашъ !
 Я каюсь предъ Тобою ,

• • • • • • • • •
 Какъ Папа , Іудеевъ
 Я вовсе не люблю ,

Но, другъ мой, ешьли вскорѣ
Увижуся я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой;

1. . . 17 — 14.

Къ Ивану Ивановичу Дмитриеву,
на новоселіе.

Вхожу въ твой новый домъ съ пустыми я ру-
ками,

Но съ полнымъ сердцемъ и душой
Желаній искреннихъ, чтобъ твердо Небесами
Хранимы были ввѣкъ здоровье и покой

Хозяина подъ кровомъ мирнымъ;

Чтобъ украшался онъ
Любовью, дружбою; чтобъ Музы, Аполлонъ
Бновь поселилися съ тобой, — и звукомъ лир-
нымъ

Манили бы со всѣхъ споронъ
Къ тебѣ по прежнему своихъ пипомцевъ ми-
лыхъ;

Чтобъ съ ними и съ самимъ собой
Не вѣдалъ ты опинюдь дней пасмурныхъ, уны-
лыхъ;

Чтобъ, словомъ, быть своей доволенъ ты
судьбой,